

Чаще, чем никогда

Ире

Я закрыл глаза, вдохнул и прыгнул в тебя, оттолкнувшись от старых мостков.

Я на мгновение завис в темноте, потом стремительно полетел вниз и наконец вошел в тебя, ощутив это всем телом; мостки с грохотом сложились у меня за спиной, но я этого не услышал. Я был в тебе, и ничего из того, что происходило раньше, не могло сюда проникнуть.

Вокруг меня кружились розовые сгустки, взлетали прозрачные шары, мелькали белые тени; густая, теплая, ровно светящаяся жидкость несла меня вперед, и я быстро перестал грести и просто поплыл по течению. Движение было медленным, и я мог всматриваться в незнакомый мир, окружавший меня; красноватые стены поднимались по сторонам, и когда меня пронесло рядом с ними, можно было увидеть, как они ритмично колышутся в такт с ударами твоего сердца. Здесь было узко, и я отчетливо различал мелькающие вокруг фигуры, движения, лица; я хорошо запомнил молодую женщину с задумчивой девочкой на руках, рядом мальчика постарше, чуть поодаль одинокий мольберт с неоконченным пейзажем — теплое летнее море с высокого степного берега, а еще дальше нескольких мальчишек лет пятнадцати, ожесточенно бегущих наперегонки, и юную русоволосую красавицу, внимательно наблюдающую за ними. Течение понемногу ускорялось, усложнялось, превращалось в вихри; фиолетовые струи вспенивали воду передо мной, разлетаясь в брызги у оранжевых изгибов стен, и я уже с трудом понимал, что именно пронесется мимо меня в прозрачной сиреневой дымке; стройная девушка в белом летнем платье помахала мне рукой с каких-то ступенек, и неожиданно возникший откуда-то строгий юноша погрозил ей пальцем, а потом подошел вплотную и поцеловал в губы; где-то совсем близко закричал ребенок, и высокий мужчина вошел в комнату, осторожно неся тебя на руках; твои глаза были закрыты, руки опущены, и я видел, что ты едва сдерживаешь слезы от счастья, потому что ребенок, который кричал, был твоей только что родившейся дочерью; здесь течение внезапно сложилось в водоворот, закружилось и начало затягивать меня вглубь; я попробовал выплыть, но стремительный напор воды перевернул меня и потащил за собой; я рванулся вверх, но не смог подняться даже на миллиметр; я шел ко дну и видел, как

ты тонешь рядом со мной, захлебываясь тяжелой вязкой жидкостью; ты стояла на пустой сцене, раздетая донага, и темный треугольник твоей судьбы дрожал между твоими ногами; я протягивал к тебе руки, не понимая, как далеко ты от меня на самом деле, ты опускалась все ниже и ниже, бросившая всех и одна на целом свете, и я все протягивал к тебе руки, протягивал и не мог ничего сделать.

В этот момент стены неожиданно разошлись, и я оказался посередине широкого пространства; берега едва виднелись сквозь желтый туман, поднимающийся из глубины. Течение остановилось, и я сделал несколько гребков, развернулся и поплыл к розовеющему вдалеке мысу. Далеко подо мной промелькнули руины каких-то строений, похожих на античный театр, — галереи, колонны, ступени, — и я взял немного глубже и заскользил над самым дном, вглядываясь в открывающуюся панораму. Я плыл над горами изорванных костюмов, потрепанных декораций, разбитых прожекторов; тут и там валялись обрывки афиш, наброски пьес, ключья программ; среди развалин сверкнул маленький ободок, похожий на обручальное кольцо, сверкнул и тут же погас; мраморные статуи напругали остатки рук, каменные маски хохотали открытыми ртами, но нигде не было видно ничего живого, только не заметное глазу течение бесшумно переворачивало листки на песке; холодные, голые, неродящие пустоты тянулись до самого горизонта, и я вздохнул, тряхнул головой и поплыл дальше, оставляя в прошлом эти безжизненные места. Теперь мыс уже возвышался надо мной, подрагивая гладкими склонами, из которых выскальзывали струи пузырьков; я поднялся выше, следя за тем, как пузырьки отрываются от поверхности, увеличиваются в размерах и наконец лопаются, превращаясь в волны, которые становились все больше; одна из них подбросила меня так, что я потерял равновесие, полетел вверх и оказался прямо над мысом. Широкое плато уходило вдаль, пахло серой, и над ноздреватой почвой повсюду висели нити фумарол; я едва успел заметить вулканический конус на горизонте и несколько многоэтажных зданий у его подножия, как пространство над конусом стало багровым, здания исчезли, превратившись в груды обломков, меня швырнуло в сторону мощным толчком, потащило куда-то сквозь мглу, и следующим, что я увидел, был узкий проход в стене, похожий на коридор; меня затащило внутрь быстрым потоком, который изогнулся у поворота, превратившись в воронку, потянул вниз, и я оказался прямо напротив прямоугольного отверстия, напоминающего дверной проем, — за ним была комната, уставленная старомодной мебелью, ты стояла возле фортепиано

с листком в руке, твои глаза светились, и ровное золотое сияние поднималось над твоей головой. Вся комната была заполнена бесплотными легкими тенями, и когда исходящее от тебя сияние достигало одной из них, тень вздрагивала, наполнялась и оживала, превращаясь в человека. Я не мог отвести глаз от этой картины, но внезапно налетевшая волна подхватила меня и понесла; я обернулся, но увидел только льющийся из проема свет, который освещал то место, где только что был я; там что-то темнело, я присмотрелся и узнал дверь в свою парижскую квартиру, у которой кто-то стоял; вода бурлила, течение стремительно уносило меня в сторону, и я не смог рассмотреть, кто это был.

Ты нырнула в меня одновременно со мной и поплыла мне навстречу. Какое-то время ты не могла ничего разобрать в темноте, но твои глаза быстро привыкли, и ты поняла, что здесь не совсем темнота, и что все пространство освещено тусклым светом, падающим откуда-то сбоку. В этом причудливом свете ты увидела перед собой странное переплетение существ, предметов, понятий: силуэты детей чередовались с бутылками вина, столбики уравнений переходили в дорожные карты, неразрешимые проблемы громоздились над коллекциями наград, красивые женщины сидели рядом со спивающимися мужчинами. Ты скользила вдоль этого рифа, сложенного из прошлого и существующего в настоящем, ты скользила в полутьме, пытаясь найти щель, достаточно большую для того, чтобы в нее проскочить, пока наконец не заметила маленький зазор между двумя обнаженными телами и не повернула туда; тела качнулись от поднятой тобой волны, но так и не коснулись друг друга. Тут оказалось намного просторнее, чем могло показаться снаружи; все было аккуратно построено в ряды и колонны, и широкие пролеты уходили во все стороны, сужаясь вдали. Ты выбрала самый большой из них и оказалась среди сотен книг самых разных размеров, которые располагались в каком-то сложном порядке. Здесь были фолианты с немецкими надписями на корешках, беллетристика на французском, энциклопедии на английском, романы на русском; ты наугад открыла один из них, и на плоской белой странице перед тобой возник разноцветный трехмерный мир: трое подростков пили вино из темной бутылки, сидя на длинном спускающемся к морю склоне; рядом мужчина любил женщину, поставив ее на колени среди высокой травы; чуть поодаль молодой человек в строгом костюме что-то говорил с кафедры в полумраке огромного зала. Ты вернула книгу на место, проплыла немного вперед и только собралась взять другую, как вдруг почувствовала, что падаешь в пропасть; еще мгновение назад так надежно поддер-

живавшая тебя вода разошлась в стороны, и ты полетела во тьму, оставшись без опоры; нескончаемое падение все наполняло и наполняло тебя ужасом, как вдруг движение прекратилось так же внезапно, как и началось, и ты повисла в черной пустоте среди звезд. В этот момент откуда-то сбоку выплыло белое облачко, на мгновение замерло и медленно растворилось в тусклом сумеречном свете; ты почувствовала, как я напрягся всем телом, и вновь появившееся течение быстро понесло тебя вперед, а потом опять замедлилось и почти остановилось; вокруг посветлело, ты взглянула вверх и увидела над собой бесконечное синее небо.

Я заметил тебя вскоре после этого; ты все еще медленно кружилась во мне, глядя в небо. Я поплыл к тебе, и вода тут же стала прозрачной и чистой; поднимающиеся откуда-то теплые струи ласкали меня, темневшее внизу дно отодвигалось все дальше, пока не исчезло совсем. Я плыл по тебе, одновременно видя тебя перед собой; твоё тело оказывалось все ближе и глубже; я видел тебя снаружи и чувствовал изнутри. По мере того как я приближался к тебе, вода становилась все более нежной, она гладила меня, покачивала и целовала, окружая счастьем, и мне показалось, что я постепенно растворяюсь в тебе. Я взглянул на руку и увидел, что ткани стали прозрачными; я видел четкие линии костей, темные пучки сосудов, зеленые прожилки нервов, желтые волокна сухожилий, а сквозь все это я видел алые берега твоего тела, рыжие волны, катящиеся по тебе изнутри, и твою светлую фигурку, раскачивающуюся на этих волнах. Я отвел глаза и посмотрел вперед — со всех сторон по-прежнему колыхалась легкая пелена счастья, — а когда снова взглянул на руку, то уже ничего не увидел. Я поднес ладонь к лицу, но заметил только, как что-то слегка дрогнуло перед моими глазами, дрогнуло и снова застыло. Тогда я перевел взгляд туда, где должно было находиться мое тело, но и там обнаружил только пространство, равномерно светящееся красным; я обернулся и увидел тебя, плывущую мне навстречу. Ты подплыла, взмахнула прозрачной рукой, обняла меня и исчезла; теперь я только чувствовал тебя, но больше не видел; ты была везде, сверху и снизу, впереди и сзади, снаружи меня и внутри. Пропали границы, исчезли пределы; я растворился в тебе без остатка, заполнил весь мир целиком, исчез и вынырнул на поверхность.

Я стоял у окна, и засыпанный снегом город уходил к горизонту в ледяных утренних сумерках. Над огнями многоэтажных зданий поднимались серые прямоугольники труб, и пустое шоссе пересекало белые поля черной лентой. Ты спала на широкой постели за моей спиной, разбросав по простыне тонкие руки. Я позвонил Игорю, оделся и спустился вниз; ма-

шина уже стояла у подъезда, на улицах было пусто, и мы быстро доехали до кольцевой и пошли дальше на юг.

Ты обнаружила записку на столе сразу, как только проснулась; ты знала, что она там, уже когда открывала глаза и тянулась вверх всем телом, вспоминая о том, что было ночью. Ты прочла ее дважды, кинулась в душ, наспех подвела глаза, вылетела на улицу, схватила первое попавшееся такси и назвала водителю адрес. Когда через час машина наконец остановилась у обочины, я уже ждал тебя на узкой тропинке, идущей в лес. Мы прошли под заледеневшими деревьями и свернули на укатанную санями дорогу; солнце сверкало на блистающем синевой небе, и белые кроны сосен сияли в его лучах. Ты никогда не видела такой церкви; там не было никакого убранства, только светлые стены по сторонам, свечи в проходах и темный алтарь в центре; свет заливал все пространство через высокий потолок из цветного стекла. Внутри не было никого, но когда мы встали напротив друг друга, голос сверху назвал нас по именам и спросил о чем-то важном; да, сказала ты, и еще раз — да; да, сказал я вслед за тобой, и мой голос взлетел к потолку над дрогнувшим пламенем свечей. Ты заплакала, когда я надевал кольцо тебе на руку, а потом взглянула на меня снизу вверх, улыбнулась сквозь слезы и решительно натянула другое кольцо на мой палец; я поцеловал тебя, подхватил на руки, вынес наружу через широко раскрытую дверь, сквозь которую било солнце, осторожно поставил на ноги, упал перед тобой в снег — и после только целовал твои холодные руки, и обнимал колени, и прижимался к ботинкам, залепленным пушистым снегом, а ты все гладила меня по волосам, и плакала, и повторяла — ты мой единственный.

Хотя я никогда не могла представить, что так бывает, тихо сказала ты потом, когда мы лежали рядом на снегу и смотрели в небо, просто не могла, и все. Бывает, сказал я, только очень редко. Реже, чем однажды, но чаще, чем никогда.

Париж

